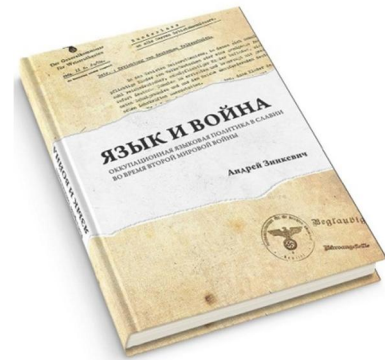

Зинкевич Андрей.
«ЯЗЫК И ВОЙНА.
Оккупационная языковая политика
в Славии во время Второй мировой
войны».
Brno: Tribun EU, 2021. 600 с.

«Посвящается членам моей семьи, пережившим оккупацию» – первые строки, которые читаем, открыв книгу «Язык и война. Оккупационная языковая политика в Славии во время Второй мировой войны». Андрей Зинкевич погружает нас в сложный и страшный водоворот языковой политики времен Второй мировой войны, проблем истории и национальной памяти, национального языка, сохранения отечественных культур, жизни оккупированных территорий. Следует отметить смелость и настойчивость автора в его научных изысканиях, глубокое знание исследуемого материала и тщательное отношение к его подбору.

Во введении, оговаривая проблему оккупации и языкового вопроса в международном праве, Андрей Зинкевич обозначает лауну, которая и сегодня существует в отношении языковых прав оккупированных территорий. «В современном военном праве, – пишет автор, – разъясняется юридический статус государственной собственности оккупированной страны, ее культурных ценностей, частной собственности населения и т.д., но не оговаривается право народа, нации, страны на один из важнейших признаков национального самосознания – язык» и подчеркивает, что территориальная экспансия часто сопровождалась также и языковой агрессией, насильственным изменением языковой ситуации, а иногда и лингвоцидом, как показывает опыт Второй мировой войны, хотя, вероятно, в условиях конца XIX – начала XX века (когда принимались Гаагские конвенции), право на родной язык казалось само собой разумеющимся (с. 12).

Обоснованным представляется обращение Андрея Зинкевича к персоналиям оккупационной языковой политики, а именно: Адольфу Гитлеру, Альфреду Розенбергу, Георгу Шмидт-Рору. Автор аргументирует тезис, что в изложении понимания языкового вопроса на оккупированных территориях Гитлер не проявлял явного интереса к организации (языковой) жизни местного населения, однако в вопросе соотношения понятий «народ» и «язык» отстаивал позицию, согласно которой ассимиляция народов через язык – это, скорее, дегерманизация, поскольку, по утверждению руководителя Третьего Рейха, национальный характер связан не столько с «языком», сколько находится в «крови» народа. Данный тезис повторяется в тексте книги

© Астапова-Вязьмина Е., 2021

неоднократно, подтверждая признание Гитлером биологичности понятия «народ» в отношении к еврейству, попытке языковой германизации польских, украинских, белорусских, словенских и др. территорий. В предложенной Андреем Зинкевичем таблице взглядов Гитлера на некоторые языковые вопросы, пункт «язык и народ» иллюстрируется мнением рейсхканцлера, что «язык не является неизменной и постоянной характеристикой этноса, но для «своих» по крови носителей является выражением духа нации» (с. 34).

В культурно-образовательной политике НСДАП эта позиция будет доминирующей и Альфред Розенберг – единственный представитель высшего руководства Рейха, кто напрямую занимался вопросами использования языков на оккупированных территориях, будет следовать принципу строгой дифференциации народов, не предусматривавшей «смешивания» культур, языков и наций. Это тот самый Альфред Розенберг, рьяный антисемит, которого Ирвин Ялом сделает одним из героев своей книги «Проблема Спинозы». Розенберг, который на протяжении всего повествования, хотя и художественного, будет гоняться за «Этикой» великого Баруха Спинозы, еврея, любимого мыслителя Гете, и, овладев библиотекой известного философа, не сможет прочесть ни одной из его книг, потому что они были написаны на латыни. Ее Розенберг не знал. Но все эти «искания» и «разочарования» нацистского преступника оставлены на страницах «Проблем Спинозы» и в материалах Нюрнбергского процесса, а перед нами документы, свидетельствовавшие о проведении языковой политики, которую инициировал Гитлер и поручил ее осуществлять Альфреду Розенбергу, и именно их автор выносит на суд читателя.

Андрей Зинкевич четко излагает следствия подобной языковой политики на востоке. Речь идет о запрете или ограничении на изучение местным населением немецкого языка (Украина, Беларусь, Россия, а также польские и некоторые другие оккупированные территории); дерусификации национальных республик СССР (Беларусь, Украина, страны Балтии, Кавказ и др.); выборочном лоббировании титульных национальных языков и культур (Беларусь при В. Кубе, Украина и др.); выделении и поддержке национальных меньшинств в определенных регионах для создания культурно-языковой конкуренции титульным нациям (Польша, страны Балтии и др.). Исследователь приходит к выводу, что основной задумкой языковой политики на оккупированных территориях СССР была дерусификация национальных республик через поддержку национальных языков и культур, а также введение ограничительных мер в отношении русского языка (с. 37–38).

Следующий важный предмет анализа – истоки оккупационной языковой политики 1939–1945 гг., и здесь, как и во всей книге, автор, излагая материал, избегает оценочных суждений, ограничиваясь констатацией фактов, что укрепляет положительное впечатление от текста. Андрей Зинкевич называет две тенденции языковой политики на востоке в контексте обозначенной тематики, а именно: политику Розенберга, направленную на поддержку культурно-языковой автономии народов СССР и культурно-языковую политику Гитлера, для которого все славяне выступали аморфной враждебной массой, которую необходимо было свести до уровня рабочей силы Рейха (с. 49). Эти две позиции будут прослеживаться в последующих главах, актуализируя вопросы лингвистической безопасности и основные аспекты функционирования языка как социокультурного феномена.

Глава «Языковая политика в оккупированной Польше» описывает позиции национально-языковой сегрегации всех сфер жизни в Генерал-губернаторстве, начиная от жесткого двуязычия до регламентированных запретов, касающихся максимального упрощения культурной жизни (вместо театров разрешалось кабаре, музыка – только развлекательная (запрет на постановки оперы), предварительная цензура на литературные произведения), обозначение польских магазинов соответствующей польской надписью и символизация сионской звездой еврейских магазинов, вся издаваемая пресса обязательно контролировалась немецкими редакторами (с. 75). В области образования вводилось раздельное обучение немецких и польских детей, а порядок описания национальных школ подтверждает уничижительное отношение как к славянству в целом, так и к еврейству, в частности (сначала описываются немецкие школы, потом украинские, затем польские, и, наконец, еврейские). Из учебных предметов были изъяты история, география, немецкий язык (потому что он мог быть политическим оружием для польского сопротивления) (с. 73). Особая роль в национально-языковой политике отводилась национальным меньшинствам, особенно это касалось украинского населения, белорусов, русских. Автор приводит данные немецкой статистики, по которым в Генерал-губернаторстве проживало 14 миллионов человек, из которых – 2,5 млн. евреи, около 600 тыс. украинцев, гуралы, лемки, гуцулы.

Несмотря на то, что в документах отмечается расцвет украиноязычного образования на территории Восточной Галиции за годы Второй мировой войны, автор обозначает, что языком высших школ Галиции все же оставался немецкий, межнациональные отношения строились в игровой стратегии на традиционной неприязни между определенными слоями польского и украинского населения, при этом немецкая сторона не забывала утверждать свое превосходство: «украинцы – друзья немецкого народа, но не его доверенное лицо» (с. 82).

В отличие от польского языка, украинский и белорусский языки были поддержаны оккупационной властью. Так, например, издавалась белорусская газета и по инициативе белорусского комитета открывались белорусские школы. Во Львове в сентябре 1942 года был открыт Институт им. Т. Шевченко и в декларации генерал-губернатора указывалось, что немецкий и украинский языки используются как равноправные. В книге упоминается письмо Геббельса об изменении политики в отношении оккупированных народов Европы, написанное им в феврале 1943 года после разгрома немцев под Сталинградом.

Однако концептуальная основа предлагаемых А. Розенбергом и Э. Кохом идей отвечала именно колониальной концепции (с. 282), которую подтверждает и установка Геринга, считавшего первоочередной задачей поставку продовольствия из Украины. Поэтому не до конца согласуемым с общей линией рецензируемой книги позволим себе считать мнение Андрея Зинкевича в отношении цитаты Гимmlера из его «Мыслей об обхождении с чуждыми народами на востоке» о том, что для не немецкого населения востока не может быть школы выше четырехкласной, ему достаточно считать до 500, уметь писать свою фамилию, а читать не обязательно, – эту мысль автор относит к жанру национал-социалистического теоретизирования, но никак не к практической линии оккупационных властей в Генерал-губернаторстве на протяжении всей войны (с. 84).

Будучи трансформационной, Вторая мировая война в контексте языковой политики определила максимальное игнорирование, а часто и уничтожение культурно-языковых потребностей жителей оккупированных территорий. С одной стороны, видим попытки латинизации алфавитов украинского и белорусского языков, ориентацию на профессиональный характер обучения немецкому языку, перевод богослужений на территориях, где проживают только украинцы, на украинский язык, изменение роли русского языка для оккупированных национальных республик СССР, а с другой – боязнь разбудить национальные чувства, издание книг, основное предназначение которых – обеспечение эффективной оккупационной политики немецких властей.

Нельзя не отметить детальное изложение языковой политики на территории оккупированной Словении: от поддержки словенского языка до попытки его полного уничтожения. Целью оккупационных властей была германизация территории с полным устранением той части населения, которая не могла быть онемеченной, а национальная словенская культура и словенский язык не вписывались в данную схему и поэтому должны были быть полностью истреблены (с. 347–352). Автор цитирует подтверждающий оккупационную политику в Словении документ. Это отчет шефа полиции безопасности: «цель языковой политики полностью исключить словенский язык. ...Усилия направлены на то, чтобы через 4 года немецкий язык занял лидирующее положение, а словенский язык почти полностью исчез» (с. 352). Даже словенские географические названия, а также имена и фамилии писались согласно венгерской орфографии и грамматике.

Глава, посвященная языковой оккупационной политике в Южной Славии, раскрывает особенности языковой оккупационной политики Болгарии в Вардарской Македонии и Греции (с. 362–368).

В отдельном разделе анализируются особенности преподавания немецкого языка местному населению на оккупированных территориях. Здесь автор рассматривает идеологический и прагматический аспекты немецкой языковой политики, начиная с традиций времен Первой мировой войны, восстанавливая хронологию развития из доступных архивных документов, и, резюмируя, предлагает таблицу динамики отношения оккупационных властей к преподаванию немецкого языка в Беларуси и Украине (с. 389–390).

Описание языковой идентичности *фольксдойче* в оккупированной Славии в контексте философии стратификации населения по национальному признаку, которая применялась оккупационными властями для немцев вне Рейха, Андрей Зинкевич начинает с объяснения упорядоченного употребления терминов «фольксдойче», «гражданин государства» и «принадлежащий к немецкому народу», подтверждая тем самым первоочередную и принципиальную роль «немецкой крови», происхождения для отнесения к «фольксдойче».

Подводя итоги своей сложной работы о языковой политике оккупационных властей в славянских странах, Андрей Зинкевич называет две основные языковые стратегии, которые ими использовались. Это национально-языковая дифференциация и гомогенизация языкового пространства на оккупированных территориях, которые, по замечанию самого автора, нередко комбинировались на одних и тех же территориях и нередко вступали в противоречие друг с другом. Выстроенная автором мыслительная

карта обозначила основные линии разлома в языковой политике Германии времен Второй мировой войны.

Особо следует отметить впервые переведенные на русский язык оригинальные документы по языковой оккупационной политике, опубликованные автором, и максимальную сдержанность в оценках оккупационной и культурной политики, проводимой Третьим Рейхом.

У читателя есть возможность погрузиться в текст, дать оценку прочитанному, почувствовать ужас, если бы (не дай Бог!) политика Германии в языковом вопросе стала реальностью и 400 миллионов людей, говорящих сегодня на славянских языках, были бы лишены своей истории, родного языка, традиций, обычаев, а главное – уверенности, свободы и счастья быть белорусом, русским, поляком, словенцем, украинцем, чехом ...

Поблагодарим автора и пожелаем ему дальнейших успехов в его исследованиях!

Елена Астапова-Вязьмина

Андрій Зінкевич. Мова і війна.

Окупаційна мовна політика у Славії під час Другої світової війни.

Brno: Tribun EU, 2021. 600 с.

(Олена Астапова-Вязьміна)

У рецензії проаналізовано книгу Андрія Зінкевича «Мова та війна. Окупаційна мовна політика в Славії в часи Другої світової війни». 600 сторінок тексту присвячено проблемам історії та національної пам'яті, національної мови, збереженню національних культур, життю окупованих територій. Книга актуалізує питання мовної безпеки та сутнісні аспекти функціонування мови як соціокультурного феномену.

Андрій Зінкевич досліджує основні позиції політики Розенберга на окупованих територіях та культурно-мовну політику Гітлера, для якого всі слов'яни були аморфною ворожою масою, робочою силою Рейху.

Автор наводить документи, що підтверджують визнання Гітлером біологічної природи поняття «народ» щодо єврейства, спроби насильницької лінгвістичної германізації польських, українських, білоруських, словенських та інших територій.

Варто відзначити сміливість та наполегливість автора у наукових розвідках, глибоке знання досліджуваного матеріалу та ретельність у його відборі.

Andrei Zinkevich. Language and War.

Occupational Language Policy in Slavia during World War II.

Brno: Tribun EU, 2021. 600 p.

(Olena Astapova-Vyazmina)

The review analyzes the book by Andrei Zinkevich. Language and War. Occupational Language Policy in Slavia during World War II. 600 pages of text consider the problems of history and national memory, national language, preservation of national cultures, life of the occupied territories. The book actualizes the issues of linguistic security and the main aspects of the functioning of language as a socio-cultural phenomenon.

Andrei Zinkevich examines the main positions of Rosenberg's policy in the occupied territories and the cultural and linguistic policy of Hitler, for whom all the Slavs acted as an amorphous hostile mass, which had to be reduced to the level of the Reich labor force.

The author adduces documents confirming Hitler's recognition of the biological nature of the concept of "people" in relation to Jewry, an attempt to forcible linguistic Germanization of Polish, Ukrainian, Belarusian, Slovenian and other territories.

It should be noted the author's courage and perseverance in his scientific research, deep knowledge of the material under study and thoroughness in its selection.

Відомості про автора

Астапова-Вязьміна Олена, кандидат філософських наук, доцент кафедри філософських і політичних наук Черкаського державного технологічного університету, м. Черкаси (Україна), e-mail: o.astapova@chdtu.edu.ua

Astapova-Vyazmina Olena, Associate Professor of the Department of Philosophical and Political Science, Cherkasy State Technological University, Cherkasy (Ukraine), e-mail: o.astapova@chdtu.edu.ua